

Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.?

Андрей Усачёв

Were there a conflict between Ivan IV and Riazan episcopal cathedra?

Andrey Usachev (*Russian State University for the Humanities,
and Moscow State Institute of International Relations*)

Наряду с делами митрополита Филиппа (1568 г.) и новгородского архиепископа Пимена (1570 г.) к числу важнейших эпизодов в истории церковно-государственных отношений в России эпохи опричнины в историографии последних десятилетий относят конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.¹ Несмотря на то что дела Филиппа и Пимена сопровождалось удалением с кафедры этих неугодных царю владык, а также репрессиями против близких к ним лиц, случаи массовой конфискации церковных земель в те годы не зафиксированы². В ходе же конфликта с рязанским архиерейским домом, согласно сформулированной в 1970-е гг. гипотезе, было конфисковано около половины его земельных владений. Таким образом, появились новые аргументы³ в пользу мнения об ударе по Церкви как одной из важнейших задач, которые ставил перед опричниной Иван IV⁴.

© 2016 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00089а.

¹ *Сметанина С.И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // *История СССР*. 1978. № 3. С. 155–164; *она же.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 17–21; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 353–354; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 159; *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI в. СПб., 2006. С. 346.

² На это, в частности, обратил внимание Р.Г. Скрынников. Он отметил, что даже в период походов Ивана IV на Тверь, Новгород и Псков конфискации церковных земель не проводилась. Более того, согласно мнению историка, как раз в период опричнины светская власть «отказалась от проектов секуляризации монастырского землевладения», которые обсуждались в период «Избранной рады» (в частности, на Стоглавом соборе). Подводя итог последствиям опричнины для Церкви, Р.Г. Скрынников заключил, что она «вовсе не затронула земельных богатств церкви, то есть той основы, на которой зиждилось её положение в политической структуре государства» (см.: *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 235).

³ Об их силе свидетельствует любопытный историографический казус. В работах 1991 и 1992 гг. безусловный противник гипотезы о конфискации церковных земель в эпоху опричнины Р.Г. Скрынников, рассматривая судьбу рязанского владыки Филофея (см.: *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси, XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 324; *он же.* Царство террора. СПб., 1992. С. 399–400), воздержался не только от полемики с автором гипотезы о массовой конфискации земель рязанской кафедры, представленной на страницах главного исторического журнала страны в 1978 г., но и от её упоминания.

⁴ В законченном виде данная точка зрения сформулирована А.А. Зиминим, полагавшим, что одна из задач опричнины состояла в «ударе» по позициям Церкви. По его мнению, «русская церковь в XVI в. представляла собой один из наиболее стойких рудиментов феодальной раздроблен-

Объективный процесс наращивания объёма научных знаний – прежде всего, в результате введения в научный оборот в 1980–2010-е гг. ряда источников, имеющих непосредственное отношение к данной теме⁵, – побуждает нас попытаться верифицировать столь важную для понимания эпохи гипотезу. В развёрнутом и законченном виде она была сформулирована С.И. Сметаниной, обобщившей наблюдения предшественников и свои собственные⁶. Исследовательница обратила внимание на замечание Р.Г. Скрынникова о том, что, согласно писцовым материалам 1594–1597 гг., на территории Зарайского, Пронского и Рязжского уездов располагались владения нескольких десятков потомков ростовских, ярославских и стародубских князей (Гагариных, Лобановых-Ростовских, Приимковых, Дуловых, Гундоровых и др.)⁷. Развивая это наблюдение, С.И. Сметанина связала появление в Рязани владений представителей данных родов с выселением служилых людей из их родовых владений в Центре страны на окраины Русского государства в годы опричнины (известно, что ряд княжат получил взамен конфискованных земли в Казанском крае).

Закономерно перед исследовательницей встал вопрос: когда и из какого фонда указанные лица были пожалованы? Отвечая на него, она провела сравнительный анализ писцовых описаний земельных владений в Рязанском крае 1567/68 г. и 1594–1597 гг. Это дало основания зафиксировать факт сокращения владений рязанской владычной кафедры к концу XVI в. примерно вдвое (по сравнению с писцовым описанием 1567/68 г.)⁸. Исследовательница показала, что населённые пункты, утраченные рязанской кафедрой, в 1594–1597 гг. числились в поместных землях⁹. Соответственно, сокращение земельных владений кафедры можно отнести к примерно 30-летнему периоду. Это могло произойти либо в течение относительно короткого срока, либо в результате более длительного процесса как в эпоху опричнины, так и в последующие годы правления Ивана IV, а также в царствование Фёдора Ивановича. С.И. Сметанина отдала

ности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве» (см.: *Зимин А.А.* Опричнина. С. 166).

⁵ См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. 4. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987; *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копияной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 298–309; Описи Соловецкого монастыря XVI века: комментированное издание. СПб., 2003; *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа: исследование и текст. СПб., 2006; Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. Также большое значение для данной темы имеют опубликованный архимандритом Макарием (Веретенниковым) исключительно важный фрагмент вкладной книги Соловецкого монастыря (см.: *Макарий (Веретенников)*. Епископ Филофей Рязанский и Соловки // Соловецкое море. 2005. № 4. С. 56), а также подготовленный С.И. Сметаниной обзор материалов по истории рязанской епархии (см.: *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 247–290).

⁶ Основная работа С.И. Сметаниной на эту тему была опубликована в 1978 г. Судя по тексту автореферата исследовательницы, данная точка зрения представлена в её диссертации 1982 г. См.: *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 155–164; *она же.* Землевладение Рязанского края... С. 17–21.

⁷ *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 417.

⁸ Свои подсчёты исследовательница основывала на сравнении числа населённых пунктов на владычных землях. Как показала С.И. Сметанина, в 1567/68 г. их было 157, в 1594–1597 гг. – 76. См.: *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 157.

⁹ Там же. С. 156–160.

безусловное предпочтение первому варианту развития событий, основываясь на двух следующих аргументах.

Исследовательница обратила внимание на судьбу владельца угодий с двумя населёнными пунктами (сельцом и деревней), в 1567/68 г. входивших в состав земель рязанского владыки. Речь идёт о боярине Иване Петровиче Яковлеве (Захарьине)¹⁰, который был арестован и казнён в январе 1571 г.¹¹ Эти владения некоторое время принадлежали И.П. Яковлеву, а потом их «отписали на государя» и включили в поместную раздачу. Очевидно, что земли, в 1567/68 г. принадлежавшие рязанской кафедре, он мог получить не позднее конца 1570 г. Соответственно, переход земель этой кафедры к данному лицу мог произойти лишь между 1567/68 и 1570 гг. Сметанина исходит из того, что наиболее вероятным вариантом передачи владычных владений светскому лицу в эпоху опричнины являлась конфискация церковных земель с их последующим распределением среди служилых людей¹². Важно отметить, что И.П. Яковлев – лишь один из ряда владельцев угодий, ранее входивших в состав рязанской кафедры (он располагал 2 населёнными пунктами из 81, которых лишилась рязанская кафедра)¹³. Очевидно, что переход владений рязанского владыки (его механизм неясен) к одному лицу в определённый хронологический промежуток времени вряд ли может служить весомым аргументом в пользу мнения о том, что десятки других землевладельцев получили свои владения за счёт рязанского владыки в тот же самый период.

Осознавая недостаточность данного довода, Сметанина обратилась к событиям церковно-политической истории 1567/68–1570 гг. и предложила ещё один аргумент, который представляется более убедительным. По её мнению, конфискация земель рязанской кафедры явилась следствием масштабного конфликта с царём, проявившегося в изгнании с владычной кафедры рязанского епископа Филофея. Датируя это событие, исследовательница вслед за А.А. Зиминым¹⁴ приняла версию Жития митрополита Филиппа, сообщающего о насильственном удалении с кафедры Филофея после низложения Филиппа (т.е. после 4 ноября 1568 г.). Обратив внимание на дату грамоты следующему рязанскому владыке Сергию (22 ноября 1569 г.), фиксирующей результат тяжбы с коломенским епископом (срок проведения судебного разбирательства Сметанина датировала не менее чем трёхмесячным периодом), низложение рязанского владыки и «частичную конфискацию домовых вотчин рязанского владыки» историк отнесла к периоду между ноябрем 1568 и августом 1569 г.¹⁵ Конфискация, по её мнению, была предпринята для того, чтобы наделить землёй ряд представителей знати (потомков ростовских, ярославских и других князей, а также прочих

---

¹⁰ Любопытно отметить, что И.П. Яковлев не принадлежал к числу потомков ярославских, ростовских и стародубских князей, для наделения землями которых, по мнению С.И. Сметаниной, в первую очередь и были конфискованы земли рязанского владыки. Подробнее о роде, к которому принадлежал И.П. Яковлев, см.: *Назаров В.Д.* Генеалогия Кошкиных – Захарьиных – Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // *Историческая генеалогия.* 1993. № 1. С. 22–31.

¹¹ *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. С. 136–137.

¹² *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 160–161.

¹³ Приводимые С.И. Сметаниной сведения о ряде прочих владельцев земель, ранее принадлежавших рязанскому владыке, точной хронологической привязки не имеют (см.: *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 162–164).

¹⁴ *Зимин А.А.* Опричнина. С. 165.

¹⁵ *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 161–162.

служилых людей), в период опричнины лишённых владений в иных уездах¹⁶. По мнению исследовательницы, в 1569 г. имел место первый крупный случай конфискации церковных земель после присоединения Новгорода Иваном III¹⁷.

Как нетрудно заметить, главным аргументом в пользу гипотезы о масштабном конфликте Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г. является судьба занимавшего её Филофея. Привлечение ряда источников, введённых в широкий научный оборот после того, как Сметанина сформулировала рассматриваемую гипотезу, даёт возможность создать более объёмную картину событий 1568–1570 гг. и тем самым по-новому взглянуть на них. Не рассматривая всех фактов биографии Филофея¹⁸, сосредоточим внимание лишь на тех из них, которые дают возможность прояснить картину отношений царя с рязанской кафедрой в интересующий нас период.

Вероятно, на кафедру Филофей был поставлен осенью 1562 г. из архимандритов московского Симонова монастыря¹⁹. В роли его настоятеля источники

¹⁶ Там же. С. 162–164.

¹⁷ Там же. С. 164.

¹⁸ Отдельные факты биографии Филофея неоднократно упоминались нашими предшественниками. См.: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 150, 414; *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. С. 88–89; *он же.* Царство террора. С. 399–400; *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 161–162; *Морозов Б.Н.* Соловецкий след в рукописях Ионы Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 177; *Панченко О.В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в 1-й половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб., 2004. С. 488; *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 224–225; *Францусова Е.Б.* Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI – начале XVII века // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 263–264. Наиболее полные (хотя и не исчерпывающие) подборки сведений о Филофее см.: *Губин Д.В.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2004. С. 171–184; *Макарий (Веретенников).* Указ. соч. С. 55–58.

¹⁹ Не совсем ясна биография Филофея до того момента, когда он стал архимандритом Симонова. Известно, что в 1550–1560-е гг. два настоятеля этой обители носили имя Филофей. Первый архимандритом являлся в 1557 г., второй – в 1561–1562 г. (см.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 150). Судя по всему, первый Филофей являлся выходцем из новгородского Софийского собора. Так, вкладная и кормовая книга Симонова монастыря под 1557/58 г. в качестве его архимандрита упоминает «Филофея Софийского» (см.: Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 37). В этом же источнике под 1561/62 г. упомянут второй Филофей без прозвища (Там же). Информацию о новгородском происхождении Филофея, архимандрита Симонова монастыря в 1557 г., подтверждает и вкладная запись 1556/57 г. на Трефолюе XVI в. Она указывает на вклад книги в Чудов монастырь «симоновского архимандрита Филофея из Великого Новагорода Софийского клочаря». Эта же книга содержит и другую запись – о пострижении Филофея в Чудовом монастыре 24 февраля 1555 г. Опубликовавшая эти записи Т.Н. Протасьева полагала, что речь идёт о рязанском владыке (см.: *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 75). Идёт речь об одном лице или о двух разных, точно сказать нельзя – в принципе, оба варианта возможны. Недавно Д.В. Губин на основании факта вклада рязанского владыки в Антониево-Сийский монастырь высказал предположение о том, что тот являлся его постриженником (см.: *Губин Д.В.* Указ. соч. С. 172). В свете имеющихся данных о вкладах Филофея в ряд обителей (Троице-Сергиев, Симонов, ростовский Борисоглебский и Соловецкий монастыри) вряд ли стоит специально останавливаться на критике данного предположения. Этот же исследователь на основе совпадения имени Филофея с именем бывшего игумена некоего Борисоглебского монастыря (по мнению Д.В. Губина, речь могла идти об обители из рязанской епархии), высказал мнение о том, что будущий епископ до своей хиротонии являлся настоятелем муромского Борисоглебского монастыря (см.: Там же. С. 173). Верифицировать данное предположение не представляется возможным.

фиксируют Филофея под 1561–1562 гг.²⁰: в этом качестве он фигурирует в записи духовных лиц по И.Д. Бельском (апрель 1562 г.). В этой записи также упоминается и предшественник Филофея на рязанской кафедре – Гурий Лужецкий²¹. Летом Филофей сопровождал Ивана IV в походе, тем самым выступая как приближенное к нему лицо. На то же указывает вкладная и кормовая книга Симонова монастыря: под 5 декабря 1562 г.²² в ней помещён щедрый вклад царя – 100 руб. – «за можайскую службу, что летовал архимарит Фелофей в Можайску» (известно, что самодержец «для своего дела литовского стоял в Можайску» до начала сентября)²³. Вклад был дан уже новому настоятелю Симонова монастыря – Феоктисту²⁴. Соответственно, к моменту вклада Филофей перестал быть симоновским архимандритом и уже занял рязанскую кафедру. Когда это могло произойти? Обратим внимание на возможную хронологию работы Освященного собора, на котором была замещена рязанская кафедра.

Царь вернулся в столицу из похода 13 сентября 1562 г. Хотя летопись и указывает на встречу Ивана IV митрополитом Макарием «со всем освященным собором»²⁵, есть основания полагать, что основная часть святителей съехалась в Москву несколько позднее. По крайней мере, суздальский и тверской владыка находились в своих епархиях. Так, в конце сентября 1562 г. царь «сказал» митрополиту и ростовскому владыке «нарядить» своих людей в предстоящий полоцкий поход (т.е. они находились в Москве), а вот к суздальскому и тверскому владыкам были «посланы грамоты» (т.е. в Москве их не было)²⁶.

Определяя время съезда архиереев в столицу, отметим: как сообщают летописные источники, 30 ноября Иван IV повелел провожать его в полоцкий поход Макарию, Никандру Ростовскому «и епископомъ и архимандритом и игуменом и со всем освященным собором»²⁷. Члены Освященного собора должны были молиться о победе²⁸. Вероятно, часть архиереев начала прибывать в Москву ранее. Известно, что 23 ноября царь «приговорил» быть литовскому посланнику у митрополита. В инструкции специально было оговорено, в каком порядке на встрече посланника следовало сидеть владыкам²⁹, которые, соответственно, уже должны были быть в столице³⁰. Литовский посланник посетил митрополита 25 ноября и был встречен согласно с полученной 23 ноября инструкции³¹.

²⁰ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 150.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 177. С. 484.

²² Как отмечает А.И. Алексеев, вклад был сделан царём во время полоцкого похода. См.: Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 100, прим. 23 (автор комментариев – А.И. Алексеев).

²³ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 299–300.

²⁴ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 21.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 344. О весьма широком и не слишком конкретном значении этого термина в период русского средневековья, например, см.: *Вовина-Лебедева В.Г.* «Освященный собор» в источниках XIV – начала XVI вв. // *Cahiers du Monde russe*. 2005. Vol. 46. № 1/2. P. 387–396.

²⁶ *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // *Русский дипломатрий*. Вып. 10. М., 2004. С. 124.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 346.

²⁸ Там же. С. 347.

²⁹ Точное число находившихся в столице в то время владык неизвестно. Таких сведений этот источник не даёт. В частности, в нём не упомянут ростовский архиепископ Никандр, который был тогда в Москве.

³⁰ Сборник РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 90.

³¹ Там же. С. 92.

Следовательно, начало работы Собора следует отнести не позднее, чем к 23 ноября. Датируя поставление Филофея, отметим, что к 5 декабря он перестал быть симоновским настоятелем, а 30 ноября царь – неизменный участник совершаемых в Москве поставлений архиереев на кафедры³² – покинул столицу. Это даёт основания предполагать, что замещение рязанской кафедры состоялось не позднее конца ноября – скорее всего между концом сентября и концом ноября³³. Таким образом, именно тогда рязанскую кафедру заняло лицо, судя по всему, пользовавшееся благоволением царя.

Особое значение имеет вопрос о том, когда и в связи с чем Филофей покинул рязанскую кафедру. Известия немногочисленных источников об уходе Филофея с кафедры крайне скупы. Как уже отмечалось, Житие митрополита Филиппа указывает на «извержение» «из сана» рязанского владыки через некоторое время после осуждения и сведения с кафедры Филиппа (4 ноября 1568 г.)³⁴. В царской грамоте от 22 ноября 1569 г. отмечена добровольность ухода епископа: источник сообщает, что «владыка Филофей епископию оставил»³⁵. Тем самым мы имеем две версии развития событий между 4 ноября 1568 г. и 22 ноября 1569 г. Рассматривая их, остановимся на некоторых моментах.

Архетип дошедшего в нескольких редакциях Жития митрополита Филиппа создавался на Соловках по инициативе его ученика – соловецкого игумена Иакова (1581–1597 гг.)³⁶. Согласно И.А. Лобаковой, написание Жития следует отнести к периоду между 1591 и 1597 гг.³⁷ Специально не останавливаясь на вопросе об исторической достоверности всего текста Жития, которому посвящена специальная литература³⁸, обратим внимание на интересующий нас фрагмент (он сходным образом читается в разных редакциях). Источник сообщает о том, что вскоре после суда над Филиппом и его убийства Малютой Скуратовым противники первосвященника получили по заслугам. Их царь за лживые наветы на митрополита подверг наказаниям: давший против Филиппа показания соловецкий игумен Паисий был сослан в Валаамский монастырь, новгородский архиепископ Пимен – в Вeneвский Никольский, а рязанский владыка Филофей – лишён сана³⁹. Важно отметить, что сообщение о сведении Филофея с кафедры предшествует рассказу о ссылке Пимена.

³² На это указывает не только общеизвестный факт присутствия Ивана IV на поставлении Гурья (Руготина) на казанскую кафедру, но и то, что присутствие царя на поставлении епископа являлось веской причиной для приостановки ведения переговоров с послами иностранных держав. Так, известно, что 17 мая 1570 г. Иван IV отказался от участия в переговорах с литовскими послами. Как сообщают посольские материалы, он «в то время был у Пречистые в соборе (т.е. в Успенском соборе. – А.У.) на поставлении владыки коломенского Саватия» (см.: Сборник РИО. Т. 71. С. 658). Ситуация повторилась 4 июня того же года, когда митрополит Кирилл «з богомольцы нашими архиепископы и епископы и со всем освященным собором» ставили на кафедру суздальского владыку (Варлаама), что также требовало присутствия царя (см.: Там же. С. 673).

³³ Первое известное нам упоминание Филофея в качестве рязанского владыки относится к августу 1563 г. См.: *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы... № 45. С. 259.

³⁴ Очевидно, основываясь на тексте Жития Филиппа, П.М. Строев датировал уход Филофея с кафедры концом 1568 – началом 1569 г. См.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 414.

³⁵ *Морозов Б.Н.* Грамоты... С. 308.

³⁶ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 816. Наиболее полную сводку сведений о редакциях памятника и их происхождении см.: *Лобакова И.А.* Указ. соч. С. 29–146.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Например, см.: *Латышева Г.Г.* Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30–62; *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 101–116.

³⁹ См.: *Лобакова И.А.* Указ. соч. С. 162, 199, 273.

Оценивая полноту и достоверность сведений Жития, обратим внимание на некоторые моменты. Во-первых, нельзя не заметить, что автор путает последовательность событий. Так, он сообщает о низложении Филофея после смерти Филиппа. Однако известно, что последнее событие относится к 23 декабря 1569 г.⁴⁰, а Филофей покинул кафедру ранее – он не являлся епископом за некоторое время до 22 ноября 1569 г.

Во-вторых, исключительно важно отметить, что место ссылки Филофея Житие не указывает. Поскольку рассказ сходным образом читается в разных редакциях, нет сомнений в том, что он так же читался и в архетипе. Факт ухода Филофея с кафедры через несколько месяцев после суда над Филиппом несомненен (он точно не являлся епископом за какое-то время до 22 ноября 1569 г.). Но отсутствие указания на место ухода Филофея в Житии Филиппа настораживает, особенно если вспомнить о происхождении текста памятника. Известно, что Филофей, оставив рязанскую кафедру, более 20 лет (по крайней мере, с 1571 по лето 1593 г., об этом ниже) находился на Соловках. Мог ли об этом не знать агиограф, живший с ним в одной обители, вероятно, не одно десятилетие?

Скорее всего, автор Жития, работая в 1590-е гг., основывался на смутных слухах о событиях 1568–1569 гг., нередко путая последовательность событий. Однако в случае с Филофеем в информированности книжника сомневаться трудно. Бывший рязанский владыка проживал в Соловецком монастыре в период составления Жития, и не знать этого агиограф не мог, но по каким-то неясным причинам опустил описание места ссылки Филофея. Возможно, это было связано с тем заметным положением, которое занимал Филофей на Соловках. Как уже отмечалось в литературе⁴¹, в Описи Соловецкого монастыря 5 мая 1582 г. «бывший рязанский епископ» Филофей указан на втором месте (после игумена Иакова) – до «соборных старцев» обители (подпись Филофея (без указания архиерейского титула) стоит сразу после подписи Иакова)⁴². Оставляя открытым вопрос о том, мог ли опальный противник Филиппа занимать столь заметное место в обители, настоятелем которой являлся ближайший ученик Филиппа и инициатор его прославления⁴³, отметим, что агиограф сообщает крайне выборочные сведения о Филофее.

Вышесказанное побуждает нас осторожно отнестись к данному источнику при изучении событий, связанных с уходом Филофея с рязанской кафедры. По

---

⁴⁰ Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 261.

⁴¹ Макарий (Веретенников). Указ. соч. С. 56. Сходное наблюдение несколько ранее сделал Д.В. Губин (см.: Губин Д.В. Указ. соч. С. 178).

⁴² Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 86, 116. Возможно, с той значимой ролью, которую играл Филофей в жизни соловецкой обители в период, близкий к составлению Жития Филиппа, можно связывать и иные пропуски в его тексте. Так, в нём отсутствует упоминание имени архиерея, который «совет» святителей против опричнины «изнесе к царю». Агиограф пишет о «единем» от епископов (см.: Лобакова И.А. Указ. соч. С. 152, 183). В историографии высказывалось мнение о том, что этим архиереем являлся Филофей (например, см.: Колобков В.А. Указ. соч. С. 224).

⁴³ Д.В. Губин, обратив внимание на данный фрагмент Описи, свидетельствующий о высоком положении Филофея в Соловецком монастыре, высказал мнение о том, что «эти наблюдения входят в противоречие с представлением о сыльном церковном деятеле, который якобы был замешан в заговоре против бывшего игумена Соловецкого монастыря митрополита Филиппа» (см.: Губин Д.В. Указ. соч. С. 178). Интересное наблюдение о противоречии между гипотезой о насильственном устранении Филофея с кафедры и его высоким положением в соловецкой обители историк не развил.

сути, соответствующий фрагмент Жития даёт лишь основания полагать, что Филофей являлся одним из виновников осуждения Филиппа и его уход с кафедры состоялся после суда над ним и до осуждения новгородского архиепископа Пимена, т.е. между 4 ноября 1568 и июлем 1570 г.

Рассмотрим другие аргументы в пользу предположения о насильственном устранении Филофея с кафедры. По мнению С.И. Сметаниной, на охлаждение отношений царя с Филофеем и возглавляемой им кафедрой указывает попытка коломенского владыки вскоре после ухода Филофея подчинить себе часть территории рязанской епархии. Как полагает исследовательница, коломенский епископ попытался воспользоваться ослаблением позиций кафедры⁴⁴.

О насильственном удалении Филофея с кафедры на первый взгляд свидетельствует само место его дальнейшего проживания. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря фиксируют его пребывание там по крайней мере с 1571 г. (приходо-расходные книги за более ранний срок не сохранились⁴⁵). Известно, что в XVI в. (и в последующем) эта обитель (как и некоторые другие на Русском Севере) не раз служила местом ссылки неугодных властям лиц – как церковных, так и светских⁴⁶. В 1554 г. туда был сослан старец Артемий⁴⁷, в 1580-е гг. – бывший ростовский владыка Давид, осуждённый собором и сведённый с кафедры в 1582 г.⁴⁸ Впрочем, считать Соловки исключительно местом ссылки неугодных властям лиц – значит значительно упрощать действительность второй половины XVI в.

Не следует забывать, что Соловецкий монастырь в тот период обладал относительно высоким статусом, обусловленным широким распространением почитания его основателей Зосимы и Савватия⁴⁹, успешно развивающейся

---

⁴⁴ Сметанина С.И. К вопросу... С. 162.

⁴⁵ Согласно предположению Е.Б. Францовой, отсутствие приходо-расходных книг за 1560/61–1569/70 гг. могло объясняться конфискацией части монастырской документации в связи с делом митрополита Филиппа. По мнению исследовательницы, в силу отсутствия в Соловецком монастыре игумена в 1568–1570 гг. «приходо-расходные записи не велись надлежащим образом». С этим и связано то, что полные приходо-расходные записи сохранились лишь начиная с 1571 г. (см.: Францова Е.Б. Введение // Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 5–6). Отсутствие упоминаний Филофея в соловецких актах может быть связано с тем, что в большинстве случаев в них фигурирует игумен (иногда «строитель») и «братия», поименный состав которой не раскрывается (см.: Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVII в.: Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571. Л., 1988. С. 217 (№ 342), 225 (№ 359, 360), 229 (№ 369), 230 (№ 370), 231 (№ 372, 373), 232 (№ 376), 233 (№ 377) и др.).

⁴⁶ Об этом, например, см.: Колчин М.А. Ссылные и заточённые в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк. М., 1908. С. 49–53; Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979. С. 42–44; Шалягин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. С. 160–164.

⁴⁷ Подробнее об этом, например, см.: Калугин В.В. Артемий // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 459–460.

⁴⁸ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря сообщают о том, что в 1588 г. бывший ростовский архиепископ Давид был послан соловецкими властями в Москву, а на дорогу ему было дано 2 руб. (см.: Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 308). О суде над Давидом см.: Собор на предложение папского посла Антония Поссевина в 1582 г. // Чтения в Обществе истории и древности российских. 1847. Кн. 3. С. 24–30; Скрынников Р.Г. Россия после опричнины (очерки политической и социальной истории). Л., 1975. С. 89.

⁴⁹ Общерусское почитание им было установлено на Соборе 1547 г., местное почитание началось ранее (см.: Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1998. С. 83, 100).

хозяйственной и культурной деятельностью⁵⁰, а также недавним пребыванием на всероссийской кафедре соловецкого игумена⁵¹. Судя по всему, именно поэтому весьма влиятельные при дворе лица обитель рассматривали как вполне приемлемое место для ухода от бурной политической деятельности. Так, на Соловках, вероятно, некоторое время в 1560–1570-е гг. проживал знаменитый благовещенский священник Сильвестр (в иночестве Спиридон). Причины его пострига, по-видимому, напрямую не были связаны с резким конфликтом с царём⁵². 25 июля 1585 г. на Соловки приезжал «помолиться» начинающий утрачивать политические позиции глава Боярской думы князь И.Ф. Мстиславский⁵³. Данную поездку, сопровождавшуюся вкладом, можно рассматривать как подготовку почвы для ухода именно в этот монастырь⁵⁴.

Ещё один аргумент связан с фактами последующей биографии Филофея. Бытовавшие в средневековой Руси правила церковной жизни предусматривали возможность ухода владыки с кафедры на покой. Однако его единственной уважительной причиной являлась «немоощь», как правило, связанная с преклонным возрастом и не позволявшая полноценно исполнять свои обязанности. В этом случае после составления отреченной грамоты архиерей лишался права именоваться владыкой и получал возможность покинуть кафедру⁵⁵. В ряде слу-

---

⁵⁰ О ней, например, см.: *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927; Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001; Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.

⁵¹ Конечно, по статусу обитель уступала ряду монастырей (прежде всего, московским (подмосковным) и новгородским – Троице-Сергиеву, Владимирскому Рождественскому, Чудову, Симонову, Спасо-Хутыньскому и др.). В то же время среди нескольких сотен монастырей России XVI в. Соловецкий, согласно «Лествице о соборных властях» (1599 г.), занимал далеко не последнее место – 24-е (см.: Лествица о соборных властях, кои в 107-м году на соборе у Иева патриарха на Москве // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1912. Кн. 2. С. 40). На высокий статус монастыря указывает и то, что он был включён в относительно узкий круг обителей (на сегодняшний день их известно около полутора десятка), в которые в начале 1580-х гг. по распоряжению царя для поминовения были направлены списки опальных. Боярин Д.И. Годунов (дядя Б.Ф. Годунова) включил Соловецкий монастырь в число семи обителей, в которые в конце XVI в. он вложил богато иллюстрированные Псалтири (см.: ОР РНБ, ф. 717, № 748/858).

⁵² Подробнее о нём см.: *Грбовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 109–147; *Филошкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309–324, 329; *Перхавко В.Б.* Семья священника Сильвестра // Археографический ежегодник за 2004 г. М., 2005. С. 46–61; *Курукин И.В.* Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015; *Французова Е.Б.* Введение. С. 15–16.

⁵³ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 272.

⁵⁴ Впрочем, несколько позднее боярин остановил свой выбор на другой обители и в 1586 г. удалился в Кириллов. См.: *Скрябинков Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 29; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 123.

⁵⁵ От XVI в. отреченных грамот ушедших с кафедр владык сохранилось немного. К их числу относятся отреченные грамоты новгородского архиепископа Геннадия (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 384. С. 488) и митрополита Даниила (Там же. № 185. С. 163). Независимо от реальных обстоятельств, в качестве главной причины ухода в отреченных грамотах представлялась физическая неспособность владык исполнять свои обязанности. Отреченная грамота Филофея не сохранилась. О некоторых особенностях данного вида источников, например, см.: *Оспенников Ю.В.* Настольные и отреченные грамоты XIV–XVI вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2013. № 4(15). С. 46–48.

чаев смерть добровольно удалившихся с кафедр владык наступала вскоре после ухода с кафедры⁵⁶. Могла ли старость и связанная с ней «немошь» явиться причинами ухода Филофея с кафедры? Полностью исключать такой вариант нельзя: известно, что некоторые владыки, добровольно покинувшие кафедры, могли прожить ещё весьма продолжительное время⁵⁷.

Однако более вероятным представляется иной вариант развития событий. Как уже отмечалось выше, после ухода с кафедры Филофеем удален (или был удален) в Соловецкий монастырь. Источники соловецкого происхождения фиксируют его пребывание там начиная с 1571 г. При этом надо учесть, что приходо-расходные книги обители, неоднократно упоминающие Филофея, сохранили записи лишь начиная с 1571 г. – записи более раннего времени до нас не дошли. Поэтому допустимо думать, что Филофеем отправился на Белое море сразу после ухода с кафедры в конце 1568–1569 г. Важно отметить, что в обители бывший рязанский владыка прожил до 1593 г., т.е. около 24 лет. На Соловках он играл заметную роль – выполнял поручения монастырских властей, связанные с разъездами⁵⁸, а также выступал в роли наставника по отношению, по крайней мере, к одному из иноков⁵⁹. Как показали Б.Н. Морозов и О.В. Панченко, 1 июня 1593 г. Филофеем был «взят с Соловков» и «послан к Троицы в Сергиев в строителя место». Там бывший рязанский владыка и скончался в ночь на 4 января 1594 г.⁶⁰ Иными словами, Филофеем после ухода с кафедры прожил ещё почти четверть века. Это побуждает думать, что, скорее всего, его уход с

---

⁵⁶ Ушедший в 1501 г. с пермской кафедры Филофеем умер в 1507 г. (см.: *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.: Л., 1950. С. 29). Покинувший коломенскую кафедру в 1518 г. Митрофан скончался в 1522 г. (см.: *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 213). Ушедший в конце 1558 или в самом начале 1559 гг. на покой крутицкий владыка Нифонт (Кормилицын) умер 17 февраля 1561 г. (см.: *Клюсс Б.М., Назаров В.Д.* Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 58). Ушедший с вологодской кафедры в 1567 г. Иоасаф скончался в 1570 г. (см.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 730).

⁵⁷ Так, Трифон (Ступишин), покинув суздальскую кафедру в 1551 г., прожил ещё 14 лет. Судя по всему, он оправился от болезни и в 1563 г. был вторично поставлен на кафедру – на этот раз на полоцкую. На ней он и умер во время мора осенью 1565 г. (см.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 248).

⁵⁸ Согласно расходным книгам Соловецкого монастыря 1577–1579 гг., Филофеем «ездил с казною на лодьях на Онегу». Судя по тому, что ему была выдана «полтина на расход», он ездил по поручению монастырских властей (см.: Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 143). Возможно, по монастырским делам Филофеем ездил и в столицу. Так, в приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря под 1591/92 г. упомянуто, что у Филофея «на Москве» (т.е., вероятно, на монастырском подворье в столице) взято 7 руб. монастырских денег, которые он занял «поедучи к Москве» (Там же. С. 574). Вероятно, эту поездку следует рассматривать в контексте мер, которые принимали власти соловецкой обители, стремясь получить разрешение на перенесение мощей Филиппа на Соловки (это удалось осуществить в 1591 г.). Известно, что «переговоры о перезахоронении свт. Филиппа... вёл в Москве с царём игумен Иаков не один, а "поим с собою некия от инок"» (см.: *Французова Е.Б.* Соловецкие иноки... С. 260). В их числе мог быть и Филофеем.

⁵⁹ Им был известный книжник Иона Соловецкий. О близких отношениях бывшего рязанского владыки и Ионы свидетельствует, в частности, их переписка. Подробнее об отношениях наставника и ученика см.: *Морозов Б.Н.* Соловецкий след... С. 177–181.

⁶⁰ *Морозов Б.Н.* Соловецкий след... С. 177; *Панченко О.В.* Указ. соч. С. 488, прим. 2. Переход Филофея в Троицу, вероятно, можно объяснить усилением связей этой обители с Соловецким монастырём: известно, что в начале 1590-х гг. 10 соловецких иноков перебрались в Троице-Сергиев монастырь (подробнее об этом см.: *Панченко О.В.* Указ. соч. С. 488–490; *Французова Е.Б.* Соловецкие иноки... С. 255–270).

кафедры не был связан со старостью и состоянием здоровья. В связи с длительным проживанием Филофея после ухода с кафедры поставим аналогичные факты из биографий владык, уходы которых трудно назвать добровольными⁶¹.

Итоги рассмотрения представленного материала закономерно ставят исследователя перед вопросом: сопровождался ли уход Филофея конфликтом с властями (прежде всего, с Иваном IV)? В поисках ответа на него обратим внимание на одно обстоятельство, которое ускользнуло от внимания сторонников гипотезы о конфликте царя с рязанской кафедрой в данный период.

Есть все основания полагать, что независимо от причин и обстоятельств ухода с кафедры Филофей сохранил значительную часть своего имущества, на что указывает ряд источников. Так, согласно Описи Соловецкого монастыря 1597 г., Филофей вложил в него 8 рукописных и 9 печатных книг⁶²; в 1582/83 г. он также сделал вклад книгами – двумя рукописными и двумя печатными в Антониево-Сийский монастырь⁶³. Как видим, Филофей после ухода с кафедры располагал внушительной библиотекой, которая насчитывала не менее 21 книги⁶⁴. Известно, что он владел и иным имуществом. Согласно вкладной книге Соловецкого монастыря, «владыка Рязанский Филофей положил на образы окладу и денгами дал жемчугу и золотых и иные рухляди и что после его осталось образов и книг и всякие рухляди всего на 273 рубли»⁶⁵. Филофей делал вклады и в иные монастыри не только в период своего пребывания на кафедре⁶⁶, но и после ухода с неё. Кроме упомянутого вклада книгами в Антониево-Сийский монастырь, известен его вклад в Троицу (1593/94 г. – не позднее 4 января

⁶¹ Так, осуждённый собором в 1509 г. новгородский архиепископ Серапион умер примерно 7 лет спустя (1516 г.). Сведённый в 1539 г. с всероссийской кафедры Даниил прожил ещё около 8 лет, скончавшись в 1547 г. Явно насильственно сведённый с митрополичьей кафедры Иоасаф (Скрипицын) в 1542 г. прожил ещё 13 лет, скончавшись в 1555 г. Покинувший в 1551 г. новгородскую кафедру Феодосий прожил ещё 12 лет (обстоятельства его ухода до конца неясны: согласно Житию Феодосия, последние 6 лет жизни он не вставал с ложа, об этом см.: *Усачёв А.С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2014. № 1(55). С. 61). Наиболее показательны пример Иоасафа (Оболенского), ушедшего с ростовской кафедры вследствие конфликта с Иваном III (1488 г.): он прожил на покое ещё примерно 26 (!) лет, скончавшись в 1514 г. (см.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 332).

⁶² См.: *Описи Соловецкого монастыря XVI века...* С. 163–164.

⁶³ *Изюмов А.Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576–1694 (7084–7202) гг. // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* 1917. Кн. 2. С. 8.

⁶⁴ Подробнее о книгах Филофея, некоторые из которых удалось идентифицировать, см.: *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера XVI–XVII вв. Очерки по истории книжной культуры. Л., 1977. С. 77–78; *Губин Д.В.* Указ. соч. С. 171–175.

⁶⁵ Цит. по: *Макарий (Веретенников).* Указ. соч. С. 56. Отдельные вещи из имущества Филофея упоминались в документах Соловецкого монастыря и после его кончины. Так, в ноябре 1594 г. соловецкий игумен Иаков в монастырскую казну «дал за складни владычные Филофеевские резь на кипарисе, обложены сканью, 5 рублей» (см.: *Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря...* С. 365). Сравнив размер вклада Филофея с вкладами других лиц в соловецкую обитель, Д.В. Губин обратил внимание на исключительный характер вклада бывшего епископа. Как отметил историк, «исходя из общей стоимости вклада рязанского владыки (273 руб.), он стоит на втором месте после вклада “иноземца” А.И. Голубовского (300 руб.), превышая, например, вклады митрополита Филиппа (206 руб.), митрополита Макария (65 руб. и “зделал часы большие”), патриарха Иоасафа (216 руб.), князя Д.М. Пожарского (208 руб.), митрополита Исидора (171 руб.) и других крупных вкладчиков» XVI–XVII вв. (см.: *Губин Д.В.* Указ. соч. С. 175).

⁶⁶ См.: *Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях.* Ярославль, 1881. С. 35; *Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря.* С. 43–44.

1594 г.) на сумму в 50 руб. («образов и платья, и судов медных и оловяных»)⁶⁷. Учитывая то, что на Соловках Филофей вряд ли мог получить такую сумму⁶⁸, можно думать, что рязанскую кафедру он покинул, сохранив своё личное имущество или его значительную часть. Как нетрудно подсчитать, стоимость имущества Филофея после ухода с кафедры, по самым скромным подсчётам, составляла весьма значительную для XVI в. сумму, превышавшую 323 руб.⁶⁹

Несомненный факт сохранения значительной части имущества Филофеем после ухода с кафедры может быть связан с другими аналогичными фактами. Судя по вкладам (книгами, деньгами и т.д.) ряда других находящихся на покое владык эпохи Ивана IV, уходы которых не сопровождались конфликтами со светскими или духовными властями⁷⁰, – Нифонта (Кормилицына) (крутицкая кафедра)⁷¹, Трифона (Ступишина) (суздальская)⁷², Афанасия (Палецкого) (полоцкая)⁷³, Лаврентия (казанская)⁷⁴, Феодорита (тверская)⁷⁵, Иоасафа (вологодская)⁷⁶ – они также сохранили значительную часть личного имущества. В настоящее время мы не располагаем сведениями о крупных вкладах владык, насильственно сведённых с кафедр. Это, в свою очередь, даёт основания предполагать, что независимо от причин и обстоятельств ухода с кафедры Филофея, сохранившего своё личное имущество, скорее всего, он не сопровождался резким конфликтом со светскими властями.

В связь с вышесказанным можно поставить и отмеченную выше близость Филофея к царю, на которую указывают источники, по крайней мере, применительно к 1562 г. Также обратим внимание на несомненную связь рязанского владыки с Симоновым монастырём, куда его бывший архимандрит неоднократно делал вклады и после поставления на кафедру⁷⁷. Эта обитель, войдя в опричнину как раз в период, близкий к уходу Филофея с кафедры – в начале 1569 г.⁷⁸, – значительно укрепила свои позиции⁷⁹.

⁶⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 39. Имя Филофея фиксируется в троицкой кормовой книге (см.: *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 241).

⁶⁸ Источники фиксирует лишь один случай выдачи Филофею монастырских денег. Как уже отмечалось выше, согласно расходным книгам Соловецкого монастыря 1577–1579 гг., Филофею была выдана «полтина на расход», когда он по монастырским делам «ездил с казною на лодьях на Онегу» (см.: Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря... С. 143).

⁶⁹ Неполнота подсчётов стоимости имущества Филофея очевидна. Так, в эту сумму не включена стоимость имущества Филофея, которое должно было остаться после его кончины в Троице, а также стоимость вклада (она неизвестна) в Антониево-Сийский монастырь.

⁷⁰ Во всяком случае, известные нам источники ничего не сообщают на этот счёт.

⁷¹ *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 61. Вклад был сделан в Иосифо-Волоколамский монастырь, настоятелем которого Нифонт был более 20 лет (с 1522 по 1543 г.).

⁷² *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 59.

⁷³ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. С. OLVXXII–OLVXXIII.

⁷⁴ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. М.; Л., 1980. С. 19, 22.

⁷⁵ Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря... С. 7–8.

⁷⁶ Находящийся на покое в Троице «бывший владыка» Иоасаф вложил 6 миней в 1570 г. «в дом Пречистой да Николе чудотворцу». Цит. по: *Никольский А.И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве Св. Синода. Т. 1. СПб., 1904. С. 103, 106, 130–131.

⁷⁷ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 43–44.

⁷⁸ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 102.

⁷⁹ Р.Г. Скрынников полагал, что взятие Симонова монастыря в опричнину в 1569 г. было проявлением милости Ивана IV по отношению к обители в том числе и за участие Филофея (выхода из Симонова) в суде над Филиппом (см.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 352).

В свете сказанного нельзя не заметить, что уход Филофея с кафедры трудно поставить в ряд с устранением с кафедр митрополита Филиппа и новгородского архиепископа Пимена. Как известно, они были лишены имущества, осуждены собором и в самой унижительной форме отправлены в заточение⁸⁰, а близкие к ним лица подверглись репрессиям⁸¹. Знакомый с историографией читатель, однако, вправе задать вопрос: как быть с репрессиями против близких к Филофею лиц?

В литературе отмечалось, что уход Филофея сопровождался казнями близких к нему и, соответственно, к рязанской кафедре лиц. Правда, среди пострадавших назывался лишь архимандрит Солотчинского монастыря, находившегося на территории рязанской епархии. Как отметил С.Б. Веселовский, не названный по имени солотчинский архимандрит фигурирует в Синодике опальных в перечне лиц, пострадавших вскоре после похода царя на Новгород зимой 1569/70 г. В одном из списков Синодика указано имя «Роман Палицын». Сам Веселовский, опираясь на материалы справочника П.М. Строева, отметил, что архимандрит с таким именем неизвестен⁸².

Р.Г. Скрынников предположил, что речь идёт, скорее всего, об Исааке Сумине, который тогда являлся архимандритом, а до того был казначеем рязанского владыки⁸³. Исаак в качестве казначея Филофея фигурирует под 1568/69 г., когда сделал вклад в Симонов монастырь⁸⁴. В том же году он стал архимандритом Солотчинского монастыря⁸⁵. Не совсем ясно, произошло это до ухода Филофея с кафедры или несколько позднее. Важно другое: независимо от того, когда Исаак стал архимандритом, он оставался им и некоторое время после ухода Филофея. Он был им, по крайней мере, 29 апреля 1570 г. Этим числом датируется выданная «по челобитью» Исаака указная грамота рязанским городовым приказчикам, которым предписывалось не взимать подати с одной из вотчин Солотчинского монастыря⁸⁶. Каких-либо следов охлаждения в отношениях царя с обителем и её настоятелем в данном документе мы не находим. Если казнённым солотчинским архимандритом действительно был Исаак, то, принимая во внимание его упоминание под 29 апреля 1570 г., можно думать, что казнь Исаака могла состояться поздней весной – летом (по мнению Скрынникова, в июле)⁸⁷. Нельзя не заметить, что казнь солотчинского архимандрита

---

⁸⁰ Например, см. описание А. Шлихтингом и Г. Штаденем унижений, которые претерпели Филипп и Пимен (см.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московкой войне (1578–1582). *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 344; *Штаден Г.* Записки о Московии: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 111).

⁸¹ Например, см. перечень лиц, пострадавших по делу Филиппа, а также по новгородскому делу: *Зимин А.А.* Опричнина. С. 146–147, 165–166, 188–190; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 336–340, 534, 536–540.

⁸² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 433.

⁸³ *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. С. 88–89; *он же.* Царство террора. С. 399–400.

⁸⁴ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 51.

⁸⁵ Архим. Македоний время управления Исаака Солотчинским монастырем относит к 1568–1570 гг. Следующий архимандрит – Вассиан – упоминается под 1572–1575 гг. (см.: *Македоний, архим.* Солотчинский монастырь. Рязань, 1886. С. 25). По данным П.М. Строева, Вассиан солотчинским архимандритом был в 1571–1572 гг. (см.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 421). Предшественником Исаака был Аваакум, упоминаемый под 1567 г. (Там же). Первое известное нам упоминание Исаака Сумина в качестве солотчинского архимандрита относится к 1568/69 г. (см.: Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 51).

⁸⁶ Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. № 216. Стб. 976–977; *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы... № 130. С. 272.

⁸⁷ *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. С. 88–89.

хронологически примыкает к уходу с владычной кафедры не Филофея (подробнее о его датировке далее), а новгородского владыки Пимена, осуждённого в июле 1570 г. Важно отметить, что среди жертв по делу Пимена нет других более или менее заметных лиц, связанных с рязанской кафедрой. Её в это время занимал Сергей, который в 1570 г. не пострадал (он продолжал занимать рязанскую кафедру до 1572 г.⁸⁸). Насколько нам известно, не пострадали и другие лица, близкие к рязанской кафедре⁸⁹. Иными словами, речь идёт о казни настоятеля одного, пусть и крупного, монастыря. Следов систематического террора против лиц, связанных с рязанской кафедрой в 1568–1570 гг. в известных нам источниках мы не находим.

Сказанное даёт основания полагать, что, по-видимому, уход Филофея с кафедры в один из самых крупных и известных монастырей, в котором он занял второе (после игумена) место, был вынужденным. Однако репрессиями по отношению к Филофею и близким к нему лицам он не сопровождался. Можно предполагать, что владыка предпочёл покинуть кафедру, не дожидаясь возможного обострения отношений с властями⁹⁰. Если это действительно так, то отношения Ивана IV с рязанской кафедрой не должны были испортиться. Что говорят на этот счёт известные нам источники?

Обратим внимание на уже упомянутую указную грамоту Ивана IV в Рязань епископу Сергию от 22 ноября 1569 г. о подчинении ему в церковном отношении «нового города» Данкова в связи со спором с коломенским епископом Иоасафом. Как сообщает источник, через некоторое время после того, «как владыка Филофей епископию оставил», «меж владык» (т.е. до поставления его преемника Сергия), бывший ранее коломенским владыкой Иосиф попытался подчинить своей епархии город Данков (новый). Последний, как и старый Данков, входил в состав рязанской епархии⁹¹. Следующий коломенский владыка – Иоасаф⁹² – продолжил начатую Иосифом практику поставления священников в Данкове. После этого преемник Филофея на рязанской кафедре Сергей бил челом царю с просьбой разрешить спор с коломенским владыкой Иоасафом.

⁸⁸ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 414.

⁸⁹ В Синодике опальных фиксируются архимандрит Псково-Печерского монастыря Корнилий и некоторые старцы этой обители, погибшие в начале 1570 г. Вероятно, к лету этого года относится казнь архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Митрофана (см.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 539–540).

⁹⁰ На отсутствие конфликта Филофея с царём косвенно указывает и молчание о нём в «Истории о великом князе московском» А.М. Курбского, которого трудно заподозрить в желании приукрасить действительность России эпохи oprичнины. О причинах постака Филофея можно только гадать – сведений имеющихся источников для точного ответа недостаточно. Возможно, уход Филофея был связан с первыми признаками ослабления позиций новгородского архиепископа Пимена, к которому, как полагают некоторые исследователи, он был близок (например, см.: *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь... С. 324; *он же.* Царство террора. С. 399; *Сметанина С.И.* К вопросу... С. 161).

⁹¹ И.М. Покровский, описывая пределы рязанской епархии, в её состав поместил как старый Данков, так и новый (см.: *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 1–2. Казань, 1897. С. 200, 202). Новый Данков входил в состав рязанской епархии, по крайней мере, с 1563 г. (см.: Там же. С. 202).

⁹² В справочнике П.М. Строева коломенский владыка с таким именем в соответствующий хронологический период не фиксируется (см.: *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 1031). Вероятно, это было связано с тем, что он занимал кафедру относительно непродолжительное время – как уже отмечалось, 17 мая 1570 г. на коломенскую кафедру был поставлен Савватий (см.: Сборник РИО. Т. 71. С. 658).

Последний не сумел представить грамот, подтверждавших права коломенских архиереев на Данков, а рязанский епископ соответствующие документы представил. В результате дело было решено в пользу рязанской кафедры⁹³.

Обратим внимание на хронологию событий. Попытка коломенского владыки подчинить своей епархии новый Данков последовала через некоторое время после ухода Филофея с кафедры. Коломенским епископом в это время являлся Иосиф, занявший кафедру в 1565 г. Точная дата его смерти или ухода с кафедры неизвестна⁹⁴. Последнее известное нам упоминание Иосифа в качестве владыки связано с его вкладом в Симонов монастырь в 1568/69 г.⁹⁵ Царская грамота, где фигурирует уже новый владыка Иоасаф, датируется 22 ноября 1569 г. С.И. Сметанина предположила, что судебное разбирательство могло занять около трёх месяцев и, соответственно, начаться в конце августа⁹⁶. К этому следует прибавить время, необходимое для избрания и поставления нового коломенского владыки после смерти (или ухода) Иосифа. Следовательно, Иоасаф мог быть поставлен не позднее лета – начала осени 1569 г. Известные нам источники не содержат сведений об Освященном соборе лета 1569 г. У нас есть лишь косвенные данные, которые позволяют высказать гипотезу о дате кончины Иосифа и поставления Иоасафа и, соответственно, о верхней хронологической границе времени наиболее вероятного ухода с кафедры Филофея.

Вкладная книга ростовского Борисоглебского монастыря сообщает о том, что коломенский владыка Иосиф сделал в него достаточно крупный вклад (50 руб.) (точная дата вклада неизвестна). После его кончины в обители ему было установлено поминание под 11 июля⁹⁷. Учитывая то, что под этим числом не фиксируются памяти святым с этим именем, можно думать, что поминовение было установлено в соответствии с датой кончины. В таком случае Иосиф мог скончаться 11 июля 1569 г. и, соответственно, поставление его преемника должно было состояться не ранее второй половины июля – августа. Возможно, на соборе, поставившем Иоасафа, была замещена и рязанская кафедра, которую занял Сергей. Вероятно, вскоре после своей хиротонии последний и начал тяжбу с новым коломенским владыкой. Если наша гипотеза о дате кончины коломенского епископа Иосифа верна, то появятся основания полагать, что Филофей ушёл с кафедры за некоторое время до 11 июля.

Решение по рассмотренному судебному разбирательству даёт все основания зафиксировать, что уже через несколько месяцев после ухода Филофея с кафедры (возможно, вынужденного) Иван IV поддержал его преемника в исключительно важном для рязанской кафедры вопросе. Если коломенский владыка Иосиф и его преемник Иоасаф рассчитывали на то, что уход рязанского епископа ослабил позиции возглавляемой им кафедры, то они ошиблись: своим решением Иван IV подтвердил незыблемость положения рязанского архиерейского дома (по крайней мере, в вопросе о границах подвластной ему территории). Трудно поверить в то, что вскоре после изгнания рязанского владыки, репрессий против близких к нему лиц и массовой конфискации земельных владений кафедры это было бы возможно.

⁹³ Морозов Б.Н. Грамоты... С. 307–308.

⁹⁴ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 1031.

⁹⁵ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 52.

⁹⁶ Сметанина С.И. К вопросу... С. 161–162.

⁹⁷ Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря... С. 19.

Подводя итоги, отметим, что уход Филофея с кафедры в конце 1568 – первой половине 1569 г., судя по всему, не сопровождался масштабным конфликтом рязанской кафедры с царём. Казнь архимандрита Солотчинского монастыря хронологически примыкает не к уходу Филофея с рязанской кафедры, а к делу новгородского владыки Пимена. Этот факт, а также явная недостаточность доводов в пользу предположения о массовой конфискации земель рязанской кафедры в 1569 г. позволяют полагать, что гипотеза об её серьёзном конфликте с Иваном IV в данный период требует дополнительной аргументации и в настоящем виде не может быть принята⁹⁸. Судя по всему, уход Филофея с рязанской кафедры не означал резкого охлаждения по отношению к ней со стороны царя.

Такое предположение можно связать с некоторыми другими фактами церковно-политической истории данной эпохи. Есть основания полагать, что даже когда острые конфликты с духовными лицами действительно имели место, они не всегда сопровождались полным разрывом отношений Ивана IV с обителями или кафедрами, которые представляли репрессированные лица. Так, известно, что спустя несколько месяцев после казни игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия (20 февраля 1570 г.) уже следующий игумен этой обители – Савва – не только не был убит или изгнан, но и занял тверскую кафедру⁹⁹. Возможный конфликт царя с выходцем из Иосифо-Волоколамского монастыря казанским архиепископом Германом (Полевым) (вероятно, в 1566 г.), хотя, по-видимому, несколько ослабил позиции этой обители¹⁰⁰, тем не менее не помешал поставлению на кафедры трёх её иноков в последующие годы¹⁰¹, а также щедрым вкладам в неё царя¹⁰². Это, в свою очередь, побуждает думать, что палитра цветов истории церковно-государственных отношений в эпоху Ивана IV была гораздо богаче, нежели может показаться на первый взгляд¹⁰³.

---

⁹⁸ Не усиливает гипотезу о масштабном конфликте царя летом 1569 г. с южной епархией и исключительно сложная ситуация на южных рубежах России в тот период. Это было связано с весенне-осенним походом 1569 г. войск турецкого султана и крымского хана на Астрахань. В обратный путь турецко-татарское войско отправилось в конце сентября и, соответственно, в Москве об этом могли узнать лишь в октябре–ноябре (об этом подробнее см.: *Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 132–166; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 508–513; Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. 1–2. М., 2007. С. 138–146). Трудно поверить в то, что в столь сложных условиях на южных рубежах могло быть принято решение о масштабных конфискациях земель рязанской владычной кафедры.*

⁹⁹ *Строев П.М. Указ. соч. Стб. 386, 442.*

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Усачёв А.С. Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Исторические записки. Вып. 15(133). М., 2014. С. 151–169.*

¹⁰¹ Волоколамские игумены Лаврентий и Тихон были поставлены на казанскую кафедру (в 1568 и 1576 гг. соответственно), Леонид – на рязанскую (в 1573 г.). См.: *Строев П.М. Указ. соч. Стб. 287, 415.*

¹⁰² *Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 123–125; Штайндорф Л. Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2. С. 90–100; Кloss Б.М., Кузьмин А.В. Евфимий Турков // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 421–422.*

¹⁰³ В свете вышесказанного представляется не лишённым оснований мнение Р.Г. Скрынникова о том, что Иван IV не рассматривал Церковь в качестве противостоящей ему силы. Конфликты с отдельными представителями высшего духовенства, по мнению историка, носили частный характер и к ослаблению позиций Церкви как института не вели (см.: *Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 381; он же. Опричный террор. С. 235–236; он же. Царство террора. С. 516–518).*